

УДК 81'366

ДЕРИВАЦИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ *TAP-/TYP-* В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Ф.Ф. Гаффарова, кандидат филологических наук

Изучение земледельческой лексики в диахронии имеет большое значение не только для татарского языкознания, но и для тюркологии и алтаистики в целом, так как этот пласт лексики имеет много общего на уровне языков не только тюркских народов, но и монгольских и тунгусо-маньчжурских. И эта лексика является одним из древнейших пластов в этих языках. Как отмечает А.Г. Шайхулов, «...односложные корневые основы (или слова) представляются важным составным элементом единого языкового устройства и организации хранения лексикона исходным пунктом развития концептуальной структуры слова. В первичных корнях и основах можно наблюдать процесс зарождения значения нового слова и дальнейшее его семантическое развитие» (2004, 55). Выявление слов, принадлежащих к общему исконному лексическому фонду в рамках общности алтайских языков, необходимо как для определения степени генетического родства между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими языками, так и для уточнения взаимоотношений между этими народами. Сравнительно-исторические лексикологические исследования в области алтаистики по существу невозможны без выхода за пределы близкородственных групп, т.е. лишь тунгусо-маньчжурских или только монгольских или тюркских, с их гнездами слов с разветвленной, широко действующей системой живого словообразования. Такие лексические параллели лежат как бы в одной плоскости. Общий исходный словарный фонд в каждой из названных языковых

подсемей имел разные условия и неодинаковые возможности для участия в длительном многовековом процессе формирования словарного состава отдельных языков. Поэтому этимологические выводы и построения получают надлежащую временную перспективу лишь на фоне общеалтайских штудий, когда слова одного корня предстают как бы на разных этапах своей исторической жизни. В то же время следует заметить, что смысловые преобразования в разных лингвемах могут фиксироваться на неодинаковых ступенях, в результате чего анализ соотношения значений слов в разных языках, вполне вероятно, поможет наглядно представить пути развития семантических модификаций. Иными словами, в том спектре семем, которые наблюдаются у тех или иных генетически родственных лексем, можно выделить промежуточные, переходные звенья, позволяющие представить непрерывность семантического процесса.

В данной статье мы рассматриваем древнетюркский глагол *tari-* 'сеять, засеивать' (ДТС, 1969, 537), который в некоторых тюркских языках и по сей день не утратил своего значения: кирг. *тары-* 'пахать, сеять, возделывать землю'; хак. *тары-* 'сеять'. В.В. Радловым также были зафиксированы древние, первичные значения этого слова: уйг., алт., тел. *тары(ν)* 'пахать', производные от этой основы: уйг. *тарыклык* 'пашня', *тарыкчы* 'земледелец' (III, 846-850), а также *терикчылык* 'земледелие' (Малов, 1954, 203), *терилгу* 'сев, посев', *терим* 'сбор урожая'.

Для реконструкции исходной семантики общеалтайского глагола *тар-* интересно было бы обратить внимание на древнетюркское слово *tarma-* ‘царапать, скрести’ (МК, II, 364), а также зафиксированное В.В.Радловым *тарын(v)*, означающее в кирг. ‘царапать, ногами рыть землю’ (III, 849). Очевидно, что эти основы так или иначе соприкасаются в семантическом поле ‘обрабатывание земли’, что может свидетельствовать о значительной древности земледелия у тюрков, «поскольку мотыжная обработка земли — раньше плужной и возникает еще в энеолите, причем понятие ‘мотыжить, взрыхлять, вспахивать землю мотыгой’ выражается исконным тюркским словом, восходящим к более глубокому, чем праязыковое — протоязыковому состоянию» (СИГТЯ, 1997, 467).

Глагольная основа *тар-/тыр-* большую роль сыграла в образовании именно земледельческих терминов. Особенной деривацией и производными отличается тувинский язык: *тарыыр-/тары-* 1) ‘сеять’; 2) ‘пахать’; 3) ‘сажать’; 4) ‘делать прививку’; 5) ‘осеменить’, где земледельческий термин в результате переосмысления, основанного на ассоциациях, постепенно переместился из смежных в более отдаленные семантические поля. Производные: *тараажы* ‘хлебороб’, *тараазыг* ‘пахнувший хлебом’, *тараалаар-/тараала-* ‘ехать за хлебом’, *тараалаң* ‘хлебородный, хлебный’, *тараалыг* ‘хлебный’, *тараачы* ‘тот, который едет за хлебом’, *тараачын* ‘земледелец, хлебороб’. Кроме того, эта основа в качестве компонента со значением ‘хлебный злак, хлеб’ выступает организующим центром в номинации других культур: *актараа* ‘пшеница’ (досл. белый хлеб), *чочак тараа* ‘горох’ (досл. хлеб в шариках), *аъттараа* ‘овес’ (досл. лошадиный хлеб), *тараа бажы* ‘колос’ (досл. голова хлеба), *тараа-быдаа* собир. ‘хлеба’ (досл. хлеб-каша). В чувашском можно обнаружить нечто похожее: *тырă* 1) ‘хлеб и хлеба’; 2) ‘посев и посевы’; *тыралла* 1) ‘имеющий запас зерна’; 2) ‘хлебный’; *тырă-пулă/*

тырнул собир. ‘хлеб и хлеба’; *тырăси* ‘жатва, уборочная кампания; страда’, *тырнулă* ‘богатый хлебом, хлебный’.

Самым распространенным названием с этой основой в тюркских языках является *тары* ‘просо’, имеющее одинаковую фонетическую оболочку и единую семантику для большинства языков, хотя древнетюркские памятники дают нам фонетическую форму *тарыг* с общим значением ‘вообще хлеб, зерно’. Значит, в процессе развития языка название по семантике сузилось до обозначения одной культуры.

В древних источниках: у М. Кашгари *тары* имеет три значения, где первичным и самым древним является 1) ‘зерно, злаки, хлеб’ (МК, I, 194); 2) ‘просо’; 3) ‘землепашество, земледелие’ (МК, I, 373). Анализ терминов показывает, что *тарыг* употреблялось в словообразовании в общих значениях активнее, чем его другие значения, что и привело к утверждению лексемы как средства вторичной номинации, к развитию круга значений, группируемых вокруг общего значения: *тарыҗи* ‘хлебопашец, земледелец’ (К.б-г.), *тарылай* ‘вспаханное поле, пашня’ (К.б-г.), *тарылан* ‘приобретать зерно, хлеб’ (МК, I, 501), *тарылыг*, *тарылыг* ‘амбар’ (МК, I, 503), *тара* ‘злак’ (Ат-тухфа...), *тары* ‘просо’ (Ат-тухфа...), *тари/дари* ‘просо’ (СС) и др.

Как видно из примеров, первое значение ‘зерно, злаки, хлеб’ является исконным и основным, а остальные — производными, образованными лексико-семантическим путем от этой основы позднее.

В тюркских языках: тат., башк., ног., каз., кбалк., ккалп., кар. *тары*, кумык., ктат. *тари*, тур. *darə*, аз. *дары*, тркм. *дары / дара*, узб. *тарик*, уйг. *терик*, кирг. *таруу / южн. тарык*, гаг. *тарас*, тув. *тараа*, алт., ойр. *тараан*, хак. *тарыг*, чув. *тыр / тырă* и др. В татарском как диалектный вариант в языке сибирских татар сохранилась древняя форма названия *тарык* в значении ‘просо’ (Тумашева, 1961, 198). Кроме этого В.В.Радлов указывает тар. *терик*, чаг. *тарик*, тел. *таруу* (III, I, 1905, 850-851).

Рассматриваемая лексема в тюркских языках имеет следующее семантическое поле: 1) почти во всех языках, кроме хак. и чув., распространено более современное значение ‘просо’; 2) тат., башк., каз., тув., кирг. ‘пшено’; 3) тур. диал. ‘кукуруза’; 4) самые древние, первичные значения наблюдаются в чув. ‘хлеб, зерно’, тув. ‘злаки’. Кроме этого, Ахметьянов Р.Г. указывает слово *тару* ‘пашня, зерновые’ (Әхмәтъянов, 2001, 192), в тат. оно сохранилось в виде второго компонента в парных словах: *иген-тару*, *ашлык-тару* в собирательном значении ‘всякие хлеба, урожай’; 5) аз. ‘род однолетних травянистых растений семейства злаковых’; 6) уйг. *тарык*, чаг. *тарік* – употребление в древней фонетической оболочке с основным значением ‘возделанная земля, поле, нива, пашня’ указывает В.В. Радлов (III, 846, 850); 7) хак. ‘посев, сев’; чув. ‘посев и посеvy’; 8) тув. *тара* ‘жареное толченое просо, употребляемое как продукт питания’.

Как видно из примеров, образование земледельческой лексики от основы *тарыг* происходило в довольно давние времена, и мотивом во всех случаях служило исключительно самое древнее и первичное значение слова – ‘зерно, злаки, хлеб’, чем и доказывалась первичность происхождения этого значения.

В тюркских языках широкое распространение и семантическое расширение имеет также производное от этого глагола слово *тарлау/тарнау*. В татарских диалектах оно означает ‘вспаханное поле’ (в лесу; среди лугов), ‘поле под посев’, ‘подсека’, ‘залежь’, ‘прогалина’, ‘пастбище, выгон’, ‘речушка, протекающая в узком овраге’ (ТРС, 1966, 518; ДС, 1948, 179; ДС, 1953, 176; ТТДС, 1969, 399), *тарлау/тырлау* диал. ‘выгон, отгороженный участок’ (Әхмәтъянов, 2001, 192), оно встречается в древних источниках в форме *tarlay* ‘поле, нива’ (К.б.-г.). В.В. Радловым зафиксировано несколько фонетических вариантов: саг. *тарлагг*, чаг. *тарлаг*, тоб., каз., кирг., ком. *тарлау*, осм., аз., ктат. *тарла* со значениями: 1) ‘пашня, обработанное место, вновь распаханное поле’;

2) кирг. ‘место, где растет трава различного цвета’ (Радлов, III, 855-856). Л.З. Будаговым отмечены следующие формы: тур., аз. *тарла*, *тарлау* ‘поле, вспаханное и засеянное’, тат. *тарлау* ‘пашня, вновь вспаханная; место пахотное или пустое, обнесенное забором; выгон’, кирг. *тарлау* ‘земля, на которой местами растет белая трава, местами черная’ (I, 331). В современных языках это слово перешло уже в пассивное употребление, в словарях зафиксированы только чув. *тарлав*, башк. диал. *тарлау* ‘хозяйство со всеми постройками’, башк. диал. ‘выгон’ (ДСБЯ, 2002, 306), аз. *тарла* ‘вспаханное и засеянное поле’ и тур. *tarla* ‘поле, плантация’, ног. *тарлав* ‘поле; пастбище’.

Таким образом, тюркские языки демонстрируют развитие семантики древней основы *тар-*, начиная от самых ранних ее значений до самого последнего и самого распространенного в языках этой группы, при этом самого конкретного и узкого ее значения – ‘просо’.

В монгольских языках глагольная основа *тар-* также довольно активно участвует в словообразовании земледельческих терминов: в письм.-монг. *tari-* ‘сеять, засеивать, сажать’, *тариа(н)* ‘хлеб, зерно; урожай’; ср.-монг. *tari'an* ‘посев’; *тариалан(г)* 1) ‘земледелие’; 2) ‘пашня, поле, нива’.

Слово *тариа(н)*, имеющее в монгольском общем значении ‘хлеб, зерно; урожай’, используется в образовании названий других культур. Однако с морфологической точки зрения эти названия представляют собой не архаические опрошенные сложные слова, а как бы живые определительные словосочетания и носят описательный характер: *хох тариа(н)* ‘рожь’ (досл. черное зерно); *намарай тариа(н)* ‘озимые’ (досл. осенний хлеб), *хавар тариа(н)* ‘яровые’ (досл. весенний хлеб).

Слово активно также в бурятском языке: *тар-* ‘сеять, засеивать, сажать’, *тарилга* ‘сев; посадка’, *таряан* ‘хлебороб, земледелец’; *таримал* 1) ‘злаковые культуры’; 2) ‘рассада’; *тариха* ‘сеять, засеивать’. Так же как и в монгольском,

лексическая единица, имеющая общее значение, участвует в образовании названий других хлебных культур: *улаан тарьян* 'пшеница, на корню и в зерне' (досл. красный хлеб); *хара тарьян* 'рожь' (досл. черный хлеб), *намарай тарьян* 'озимые' (досл. осенний хлеб) и др. В калмыцком *тэрэн* 'хлеб, хлеба; зерно; посев'; *хар тэрэн* 'рожь' (досл. черный хлеб), *намрын тэрэн* 'озимые' (досл. осенние хлеба); *тэрэч [тэрэче]* 'земледелец, хлебороб'.

Г.И. Рамстедт приводит для сравнения названия, образованные от этой основы в тюркских и монгольских языках как из одного языка-источника: «тюрк., монг. *tari-* 'сеять, заниматься хлебопашеством', в тюрк. *taryu* 'злаки', тур. *dary*, чув. *tira* 'семя, злаки', монг. *tarija*, калм. *taraa, taraan* 'злаки', тюрк. *taryuču* 'хлебопашец', монг.-лит. *tarijačin*, калм. *taraanči, taraansin* 'крестьянин'» (1957, 125), где в последних названиях явно преобладает тюркский аффикс словообразования, обозначающий исполнителя данного действия.

Таким образом, в языках монгольской группы семантика основы *тар-* развивалась от обозначения в основном понятий 'злаки, зерно, хлеб' в направлении вторичной номинации конкретных культур и далее.

В тунгусо-маньчжурских языках: эвенк. *тари-/таре-* 'сеять', сол. *тар-* 'пахать', *таргани бууа (тарган ~ таркан)* 'пашня', ороч. *тариго-/тарику-* 1) 'сажать'; 2) 'выращивать'; ульч. *тари-* 1) 'сажать, сеять'; 2) 'обрабатывать землю'; нан. *тари-*, *тариго (таори-)* 1) 'сажать, сеять'; 2) 'обрабатывать землю'; 3) 'выращивать'; *тариго/-у* 'сеялка'; маньч. *тари-* 1) 'пахать, возделывать, обрабатывать землю, заниматься хлебопашеством, земледелием'; 2) 'сеять хлеб, засеивать семена в поле, сажать в огороде'; *тарин* 'пахота, посев, земледелие'. В тунгусо-маньчжурских языках на глагольной основе *тары-/тари-* и ее производных зафиксировались общие понятия – в основном 'обрабатывание земли' и 'обработанный участок', что и позволяет думать, что этот

глагол фонетически тождественный во всех алтайских языках, с единым близким значением 'сеять, засеивать; пахать' и большим числом дериватов с древнейших времен является главным наследием праязыка, определяющим землепашество как род занятия наших предков. В процессе формирования языка сохранились следы взаимодействия этих древних народов, то есть в их языковых взаимопроникновениях отражается их совместная материальная культура. Таким образом, наличие сходных лексических моделей с общей семантикой, образованных на единой глагольной основе, с совершенно идентичной фонетической оболочкой, свидетельствует о языковом контакте, существовавшем между ними в далеком прошлом.

Эти наблюдения сами по себе приводят к сопоставлению глаголов *тары-/тари-* 'сеять; пахать' и *тара-* 'расчесывать, взбивать, трепать, сгребать'. Древняя зафиксированная производная форма от этой глагольной основы *taryaq* 'гребешок, расческа' (МК, I, 467). В СИГТЯ по поводу сопоставления этих глаголов делается вывод: «Единство данной пары, независимо от аффиксального или корневого характера конечных *-а/-ы*, восходит к раннему, праязыковому состоянию, так как в современных языках каждый из этих глаголов и их дериватов имеет свой круг значений, «пересекающихся» довольно редко» (СИГТЯ, 1997, 466). С точки зрения пересечения семантики, у В.В. Радлова зафиксирован глагол *тара(v)*, содержащий древнее значение: осм., ктат., каз., чаг., алт., тел., леб., саг., койбаль., качин., чулым., кирг., тар. 1) 'чесать'; 2) 'боронить, грести, ворошить граблями'; 3) чаг. 'пахать землю'. Приводится также производное от этой основы *тарак*; чаг., тар., каз., алт., тел., леб., кирг., чулым. 'гребень, чесалка'; осм. *топрак тарагы* 'грабли', *тарла тарагы* 'борона', *багча тарагы* 'садовые грабли' (III, 837-839). Если сравнить с той же точки зрения названия бороны в тюркских языках, то прояснится

такая картина: тат., башк., каз., ккалп. *тырма*, кирг. *тырмоо* / *тырмоок*, гаг. *тырмык*, тур. *tirtik*, аз. *дырмыш*, тркм. *дырмык*, ног. *тырнавыш*, кумык. *тырнавуч*, алт. *тырмууш*, хак. *тырбос*, уйг. *тирмугуч*, *тирна*, *тармак*, чув. диал. *тйрмавса*, кум. *тарак*, якут. *тараах*. В целом эти названия по семантике делятся на: 1) основное значение во всех языках ‘грабли’, ‘борона’ (в чув. ‘грабли без черенка’), в азербайджанском дается толкование а) ‘грабли’ (колодка с зубьями, насаженная на длинную рукоятку, для сгребания сена, соломы, разрыхления земли); б) ‘борона’ (орудие для неглубокого рыхления почвы и ухода за растениями); 2) гаг. ‘когти’; 3) тур. ‘крючок’; 4) якут. ‘гребень, расческа’; 5) тур. ‘царапина’; 6) уйг. ‘ветка’. В киргизском имеется многозначное слово *тырмак*, где наблюдается переход семантики в сельскохозяйственный термин: 1) ‘ноготь, коготь’; 2) ‘борона’; *тырмак тарттыр-* ‘бороновать’; 3) ‘грабли’ и глагол *тара* 1) ‘расчесывать, причесывать’; 2) ‘боронить, грести, ворошить граблями’; 3) *перен.* ‘расходиться, разбредаться’; 4) ‘распространяться, разноситься (*слух, известия*)’; 5) ‘быть родом, происходить от кого-л.’ (хотя 3-5 значений, очевидно, сюда приписываются ошибочно, т.к. относятся к омониму *таралу, таркалу*), в чув. *тармала* 1) ‘ерошить, лохматить, трепать’; 2) ‘царапать, царапаться’; 3) ‘чесать, расчесывать’; 4) ‘рыть, копать; разгребать (землю)’; 5) диал. ‘грести, сгребать (напр. колосья на стерне)’.

В финно-угорских языках эти названия также имеют распространение: мар. *тар*, удм. *тари* ‘просо’, ‘пшено’, венгр. *dara/daro/taro* ‘крупа’, *buzadara* (досл. *buza* ‘пшеница’ + *dara* ‘крупа’) ‘манная крупа’, удм. *тарла/тарлау* ‘пастбище, загороженное место для скота’, ‘поляна’, *тарлау бусы/тарлау* ‘поле’, венгр. *tarlo* ‘жнива, жнивье, стернь, стерня’, мар. *тырма* ‘борона’, *тырмалаш* ‘боронить’, *тырмалымаш* ‘боронование’, *тырмалыше* ‘бороновальщик’, *тырметормо* ‘очень ветвистый’. Это еще раз доказывает древность происхождения глагола *тар-* и его дериватов.

Таким образом, на основе вышеприведенного анализа можно прийти к следующим выводам:

— глагол общеалтайского периода *тар-/тыр-* означает ‘обрабатывать землю под посев, сеять’; исходная семантика этого глагола сводится к значению ‘царапать, скрести’; суть обработки земли заключалась в разбрасывании семян и разравнивании земли чем-либо острым;

— по нашему мнению, современные слова татарского языка *тары* ‘просо’, *тарлау* ‘обработанное поле’, *тарау* ‘расчесывать’; ‘обрабатывать граблями’, *тарак* ‘расческа’, *тырнак* ‘ноготь; коготь’, *тырма* ‘грабли; борона’, *тырмалау* ‘обрабатывать граблями; боронить’, *тырнау* ‘царапать’ восходят к единой древней основе *тар-/тыр-*;

— семантическое развитие, по-видимому, шло в направлении ‘царапать, скрести, рыть землю ногами’ > ‘мотыжить, взрыхлять землю мотыгой’ > ‘вообще обрабатывать землю’ > ‘заниматься земледелием’ > ‘зерно, хлеб’ > ‘просо’;

— развитие семантики и деривация в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках происходили параллельно вокруг одного центрального значения с небольшими различиями;

— так, в тунгусо-маньчжурских языках сельскохозяйственная лексика сохранила близость к более древнему значению ‘обрабатывание земли и обработанный участок’;

— в монгольских языках развилось и распространилось значение ‘злаки, зерно, хлеб’;

— в тюркских же языках прослеживается все развитие семантики этой древней основы, начиная от обработки земли до обозначения конкретной культуры — проса, это значение и является на данный момент самым распространенным.

Таким образом, глагол *тар-/тыр-* для языков алтайской общности является главным наследием праязыка, определяющим земледелие как род занятия наших предков, и фактором, свидетельствующим о том, что эти народы вместе прошли истоки земледелия.

ЛИТЕРАТУРА

1. (Ат-тухфа...) Изысканный дар тюркскому языку / Ат-тухфа... – Ташкент: Фан, 1978. – 451 с.
2. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге / Р.Г. Әхмәтъянов. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 с.
3. (ДС) Диалектологик сүзлек. Вып. 1-3. – Казань: Татгосиздат, 1948, 1953, 1958. – 263, 264, 260 сс.
4. (ДСБЯ) Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа: Китап, 2002. – 432 с.
5. (ДТС) Древнетюркский словарь. – М.: Наука, 1969. – 676 с.
6. *Малов С.Е.* Уйгурский язык / С.Е.Малов. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 204 с.
7. *Кашгари М.* Туркий сузлар девони (Девону луготит турк): в 3-х т. / М. Кашгари, С. Муталлибов таржимаси. Т. I-III. – Тошкент: Фан, 1960, 1961, 1963. – 499, 427, 466 с.
8. *Махмутова Л.Т.* Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику «Codex Sumanicus» по данным лексики / Л.Т.Махмутова // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Казань: Тат. кн. изд-во. 1982. – С. 68-153.
9. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. / В.В.Радлов. III т. – СПб.: Тип. Императорск. АН, 1905. – 2204 с.
10. *Рамstedт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология / Г.И. Рамstedт. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1957. – 254 с.
11. (СИГТЯ) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика – М.: Наука, 1997. – 799 с.
12. (ССТМЯ) Сравнительный словарь тунгусско-маньчжурских языков. I-II тт. – М.: Наука, 1975, 1977. – С. 672, 992.
13. (ТТДС) Татар теленең диалектологик сүзлеге – Казан: Тат. кит. нәшр. 1969. – 643 б.
14. *Тумашева Д.Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек / Д.Г. Тумашева. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1961. – 239 б.
15. *Шайхулов А.Г.* К проблеме тюркских корневых основ и корневых слов / А.Г. Шайхулов // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками. – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет, 2004. – С. 55-65.

Аннотация

Статья посвящена анализу дериваций основ *tar-/tyr-* в языках алтайской группы.

Ключевые слова: земледельческая лексика, глагол общеалтайского периода *tar-*, обрабатывать землю, сеять, семантика и деривация в алтайских языках.

Summary

The article deals with the analysis of derivation of *tar-/tyr-* (*tar-/tyr-*) stems in the languages of the Altaic group.